

УДК 140.8: 821(47)

ББК 87.3: 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Россия, Москва, email: a-gacheva@yandex.ru

Творчество Ф.М. Достоевского как пролог к рождению русского космизма¹

Аннотация. Творчество Ф.М. Достоевского рассматривается как идейно-художественное предварение течения русской мысли, которое сформировалось в России в последней четверти XIX века и получило название «русский космизм». Показано значение идей и образов героев Ф.М. Достоевского в формировании онтологии, антропологии, этики, историософии, эсхатологии русского космизма. Утверждается, что бунт героев Достоевского против идеи тепловой смерти Вселенной стимулировал философов-космистов на создание идеи антиэнтропийной сущности жизни и труда человека. Представление писателя о Христе как «идеале человека во плоти», его вера в Боговоплощение объясняются исходя из свойственной писателю и философам-космистам идеи нравственного истолкования догмата. Показано, что Достоевский, как и русские космисты, представляет мир и человека с точки зрения деонтологии, в свете того, чем они должны быть. Идеи Достоевского являются предтечей идеи истории как работы спасения, которая получила развитие в философии Н.Ф. Федорова и христианских космистов.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, русский космизм, антропология космизма, идея оправдания истории, движение от существующего к должствующему

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad, Russia, Moscow, email: a-gacheva@yandex.ru

The work of F.M. Dostoevsky as a prologue to the birth of Russian Cosmism

Abstract. The work of F.M. Dostoevsky is considered a kind of ideological and artistic precedence of Russian thought that was formed in Russia in the last quarter of the XIX century and was called “Russian cosmism”. The importance of Dostoevsky's ideas and images in the formation of ontology, anthropology, ethics, historiosophy, eschatology of Russian cosmism is shown. The revolt of Dostoevsky's heroes against the idea of the thermal death of the universe stimulated cosmist philosophers to create the idea of the antientropic essence of human life and work. The writer's idea of Christ as the “ideal of man

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П). This research was supported by the Russian Science Foundation grant to the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (RSF, project no. 17-18-01432-P).

in the flesh” and his belief in the Incarnation of God are explained on the basis of the idea of moral interpretation of dogma peculiar to the writer and cosmist philosophers. It is shown that Dostoevsky, like Russian cosmists, represents the world and man from the point of view of deontology, in the light of what they should be. He is one of the forerunners of the idea of history as a work of salvation, the development of which was given by N.F. Fedorov and Christian cosmists.

Key words: the work of F.M. Dostoevsky, Russian cosmism, anthropology of cosmism, the idea of justifying history, the movement from the existing to the due

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.140-158

Введение

Течение философской и научной мысли России, получившее название «русский космизм»², возникает во второй половине XIX в. К этому течению, в лоне которого формировалось представление о человеке как творческой силе развития мира, инстанции самосознания природы, относят не только Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, но и деятелей русской религиозной философии В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, согласно которым человек «должен прославлять Творца своей творческой динамикой в космосе»³. Меняя ракурс взгляда на человека с социального на онтологический, философы-космисты утверждают, что человек – не просто представитель государства, нации, политической группы, идеологии, но, прежде всего, «единственное в своем роде природное, космическое существо»⁴, в котором природа «приходит к самосознанию, начинает не только сознать себя, но и управлять собою»⁵. Новый активно-творческий этап развития мира, который начинается с появлением че-

---

² См.: Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993 [1]; Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003 [2]; Оносов А.А. Культурно-эволюционная деонтология: социальные проекции русского космизма. М.: Изд-во МГУ, 2006 [3]; Казютинский В.В. Космизм классический и космизм современный // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров: в 2 т. Т. 1. М.: Пашков дом, 2010. С. 125–156 [4]; Young G. Russian cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. N.Y., 2012 [5]; Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Сократ: сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018. С. 291–316 [6]; Гачева А.Г. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019 [7]; Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020 [8]. См. также специальные выпуски журнала *Slavica Occidentia: Le cosmisme russe*. № 46. 2018 [9]; *Le cosmisme russe*. II. Nikolai Fiodorov. № 47, 2018 [10].

³ См.: Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 93 [11].

⁴ См.: Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект, Парадигма, 2016. С. 21 [12].

⁵ См.: Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 239 [13].

ловека, ведет к созданию ноосферы, определяемой как творчески организованная часть природного мира, «живого вещества», вовлеченного в орбиту преобразовательной деятельности человечества. Ее аналогом в религиозно-философской системе координат выступает Царствие Божие XX главы «Откровения Иоанна Богослова», где достигается гармония между Богом и преображенной природой. Утверждая идею оправдания истории, русский космизм формирует представление о том, что историческая деятельность человечества должна быть направлена на созидание совершенного общества, в котором правда личности будет примирена с правдой всех, социальные связи построены не на внешнем, юридико-экономическом законе, а на законе любви, национальная автаркия сменится идеей вселенскости человечества. Космисты стремились внести нравственное начало не только в историю, но и в природу, выдвигая идею регуляции природы, преодоления природного порядка существования, который основан на вытеснении, борьбе существ, пожирании, смерти.

В становлении философской оптики русских космистов большую роль играла русская литература, исполнявшая, по справедливому суждению С.Г. Семеновой, роль особой образно-художественной философии⁶. Русская философская поэзия в лице Г.Р. Державина, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, с одной стороны, утверждала бытийное достоинство человека («Я связь миров, повсюду сущих»⁷), а с другой – остро поставила вопрос о разладе сознающего, чувствующего «я» с бессознательно живущим природным миром. В.Ф. Одоевский, автор первого русского футурологического романа «4338 год» (1835 г.) и философского романа «Русские ночи» (1844 г.), размышлял об аксиологии исторического действия, о субъект-субъектном, а не субъект-объектном отношении человека к природе, о «новой науке», соединяющей «знание ума» и интуицию, о «новом искусстве», способном к целостному охвату реальности⁸. Но особое значение для формирования антропологии, философии истории, этики, эстетики русского космизма имело творчество Ф.М. Достоевского. Недаром ведущие представители этого философского течения были внимательными читателями его романов и публицистики. А двое из них – Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев – не просто являлись современниками писателя и вели с ним духовно-творческий диалог, но стояли на одной религиозно-философской платформе, которая затем стала опорой становления и роста русской религиозно-философской мысли начала XX века.

Несмотря на то, что темы «Достоевский и Федоров» и «Соловьев и Федоров» не раз становились предметом внимания историков русской мысли и литературы как в России, так и за рубежом⁹, несмотря на то, что ряд исследова-

⁶ См.: Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. С. 6.

⁷ См.: Державин Г.Р. Бог // Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 116 [14].

⁸ См.: Одоевский В.Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975 [15].

⁹ См.: Баршт К.А. «Научите меня любви...». К вопросу о Н.Ф. Федорове и Ф.М. Достоевском // Простор. 1989. № 7. С. 159–167 [16]; Сараскина Л.И. Радикальная утопия о всеобщем воскреше-

телей космизма причисляет самого Достоевского к художественной ветви этого течения¹⁰, содержательный анализ творчества писателя с точки зрения тем и идей, которые затем станут стержневыми в идеосфере космизма, далеко еще не исчерпан. Более того, сложность выявления в творчестве писателя протокосмистских идей обусловлена разницей подходов исследователей к самому феномену русского космизма. Так, для одних ученых космизм отождествляется с космическим чувством, для других понятие русского космизма расширяется на весь материк русской культуры¹¹, для третьих, напротив, резко сужается¹² и не включает в себя деятели русской религиозной философии В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, для четвертых – сближается с эзотеризмом и теософией¹³. Творчество Достоевского интерпретируется в контексте разных пониманий космизма, и в результате мы получаем различные ответы на вопрос о том, в чем писатель предвосхищает русский космизм.

Ниже мы будем говорить о творчестве Достоевского как прологе к рождению русского космизма, опираясь на ту трактовку космизма, которая была предложена С.Г. Семеновой, легла в основу антологии «Русский космизм» и работ С.Г. Семеновой, собранных в книге «Созидание будущего: Философия русского космизма»¹⁴. Согласно этому подходу, конститутивной чертой русского космиз-

---

нии и реальность зла. Учение Н.Ф. Федорова в контексте убийства Ф.П. Карамазова // Сараскина Л.И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. С. 320–341 [17]; Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. С. 244–270 [12]; Комарович В.Л. Отцеубийство и учение Н.Ф. Федорова о «телесном воскрешении» // Комарович В.Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018 [18]; Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре. М.: ИМЛИ РАН, 2008 [19]; Никитин В.А. Владимир Соловьев и Николай Федоров // Символ. 1990. № 23. С. 279–300 [20]; Семенова С.Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М., 1990. С. 94–111 [21]; Семенова С.Г. «Смысл любви» Владимира Соловьева // Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994. С. 358–370 [22]; Носов А.А. Реконструкция 12-го «Чтения по философии религии» В.С. Соловьева // Символ. 1992. № 28. С. 252, 257–258 [23]; Козырев А.П. Наукоучение Владимира Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 23–31 [24]; Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: История творческих взаимоотношений // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. М.: РХГИ, 2004. С. 937–963 [25].

¹⁰ См.: Демин В.Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. М.: ЛЕНАНД, 2014. Ч. 1: Русский космос [26]; Карако П.С. Идеи космизма в литературном наследии Ф.М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения) // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2021. № 2. С. 32–46 [27].

¹¹ См.: Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993 [28]; Демин В.Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра [26].

¹² См.: Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987 [29]; Гиренок Ф.И. Русские космисты. М.: Знание, 1990 [30]; Die Neue Menschheit: Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 2005 [31]; Гройс Б. Русский космизм: Антология. М.: ООО «Ад Маргинем-пресс», 2015 [32].

¹³ См.: Шапошникова Л.В. Вестники Космической эволюции: в 2 т. М.: Международный центр Рерихов, 2012 [33].

¹⁴ См.: Русский космизм: Антология философской мысли. С. 3–33; Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. С. 5–150.

ма является идея активно-творческой эволюции, находящая параллель в идее активного христианства Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др. Синкретическим родоначальником философии космизма является Н.Ф. Федоров, выделяются две ветви течения – естественнонаучная (Н.А. Подолинский, К.Э. Циолковский, Н.А. Умов, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич) и религиозно-философская (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев). Представители естественно-научной ветви космизма утверждают, что эволюционный процесс имеет направленный, восходящий характер, рассматривают жизнь, сознание, творческую деятельность человечества как ключевой фактор развития Земли и Вселенной. Представители религиозно-философской ветви космизма подчеркивают, что человек является соратником Творца в деле преобразования мира в Царствие Божие и основывают его активность на заповеди «обладания землей», данной роду людскому в начале времен.

Ф.М. Достоевский против идеи тепловой смерти Вселенной

В 1931 г. В.И. Вернадский в докладе «Изучение явлений жизни и новая физика» указал на противоречие между научной картиной мира и человеческой жизнью, подчеркивая, что в современной картине мира человек «сведен на положение ничтожной подробности в Космосе»¹⁵. Пафос мысли ученого состоял в том, чтобы ввести человека в физическую картину мира, указать на неслучайность появления его в природе, определить его место и назначение в бытии. Сам Вернадский, создавая учение о ноосфере, назвал человеческий разум «великой геологической, быть может, космической силой»¹⁶, важнейшим фактором развития планеты Земля. Вслед за С.А. Подолинским и Н.А. Умовым он выдвигал идею антиэнтропийной сущности жизни, мысли и труда человека и тем самым возвращал человеку смысл, отнятый у него тогда, когда в мир вошла идея тепловой смерти Вселенной.

Будучи сформулирована в 1865 г. Р. Клаузиусом, немецким физиком, одним из создателем термодинамики, идея тепловой смерти Вселенной стала настоящим вызовом феномену жизни и феномену человека. Новейшая научная мысль, заявляя о неизбежном конце Вселенной, фактически обесмысливала оба эти феномена, рождая пессимистическую картину мира. Космисты выступали против онтологического пессимизма, и художественного предтечу своих идей они обрели в Достоевском.

Именно Достоевский еще в 1860–1870-е годы остро ощутил и представил художественно невозможность для человека существовать в бытии, над кото-

¹⁵ См.: Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия АН СССР, 1931. Вып. 3. С. 403 [34].

¹⁶ См.: Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 288 [35].

рым висит дамоклов меч тотального уничтожения, невозможность примириться с тем, что человек в природе ничего не значит, что его сознание – «болезнь» и не нужно природному целому. Его герои бунтуют против мироздания, которому угрожает тотальный, бессмысленный «нуль». Перспектива, что через миллионы лет «земля обратится в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с множеством таких же ледяных камней»¹⁷, делает нынешнее существование человека бессмысленной пыткой. Писатель размышляет о феномене идейного самоубийства, представляющем собой протест против законов природы, которая создала человека существом, сознающим дисгармонию мира и испытывающим от этого сознания неизбежную муку: «...В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? Я создан с сознанием и эту природу *сознал*: какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознającego, стало быть страдающего. <...> И для чего устраиваться и употреблять столько стараний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно праведно? На это, уж, конечно, никто не сможет дать мне ответа. Все, что мне могли бы ответить, это: “чтоб получить наслаждение”. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и *непосредственном* счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратится в ничто, в прежний хаос... Не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля» [37, с. 146–147].

Идейный самоубийца из главы «Приговор» в «Дневнике писателя» 1876 года убивает себя, видя в этом поступке акт свободы, единственно остающийся человеку, фатально стреноженному природной необходимостью, встающему лицом к лицу с неизбежностью смерти. Подобно парадоксалисту из «Записок из подполья» (1864 г.), который стучит кулаком в «каменную стену», он не готов примириться с дисгармонией природы. Подобно Ипполиту Тереньеву в романе «Идиот», которому слепая сила природы представляется в виде тарантула, он не хочет видеть целесообразности в законе всеобщего *поядения*. И в то же время он не готов согласиться на компромисс, на счастье бессознательно живущих существ, которые гармонично и счастливо проходят свой земной путь, не зная, что они смертны и что смертна Вселенная.

Именно из этого последнего отчаяния, из крайней точки бунта и неприятия миропорядка, в котором естественна смерть, рождается стремление создать иную модель миропорядка, которая основана на представлении о неслучайности появления человека в природе. И философы-космисты эту модель создают. Через полтора года после того, как Достоевский вводит в «Дневник писателя»

¹⁷ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 49 [36].

исповедь идейного самоубийцы, он получает письмо Н.П. Петерсона, друга философа Н.Ф. Федорова, и приложенную к письму статью, излагающую идеи Федорова. В ответ героям Достоевского, утверждающим, что сознание человека – болезнь и не нужно природе, в письме звучит чеканная формула: «Природа в человеке достигла сознания коренных недостатков своего настоящего состояния и чрез него же, чрез человека, чрез его действие силится перейти в высшее состояние» [38, с. 510]. В этом ответе – манифестация новой картины мира, новой традиции осмысления Жизни и человека, которую утверждают философы-космисты. Человек предстает здесь как существо, через которое мироздание получает шанс подняться на новую творческую ступень развития. Природа через человека начинает сознать саму себя, ужасаться действующим в ней законам пожирания, борьбы существ, смерти, распада. И через человека, через его созидательное действие в мире природа движется к совершенству, к состоянию всеединства, бессмертия, абсолютной гармонии.

Это состояние всеединства, к которому должно прийти бытие, сам Достоевский рисует в знаменитой записи у гроба первой жены от 16 апреля 1864 года: «Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем»¹⁸. «Каждое я» воскреснет «в общем Синтезе»¹⁹. Идея тепловой смерти Вселенной еще не прозвучала, но Достоевский фактически уже дает ответ на нее: всеобщее воскресение и единство в любви противостоят смертному распаду мира. На новом витке образ преображенной Вселенной возникает в романе «Братья Карамазовы» в символическом сне-видении Каны Галилейской, после которого следует другая говорящая сцена: Алеша, положительно прекрасный герой Достоевского, выходит из монастырской кельи и видит раскинувшееся над ним звездное небо. Он чувствует свою сопричастность необъятной Вселенной и, падая на землю в слезном целовании своей родной колыбели, чувствует, как «нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его»²⁰. С земли герой встает обновленным. Он больше не чувствует себя «слабым юношей»²¹, перед нами человек-деятель, знающий, что он – не песчинка и не *quantité négligeable* в порядке природы, но средоточие бытия, надежда всего универсума.

В свете идей космизма получает новый смысловой объем призыв старца Зосимы к неустанному деланию, к подвигу деятельной любви. Звуча в унисон с Н.Ф. Федоровым и предваряя построения представителей христианской ветви русского космизма В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Достоевский утверждает человека как соработника Бога в деле спа-

¹⁸ См.: Достоевский Ф.М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1960–1965 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1981. С. 174 [39].

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 328 [40].

²¹ Там же.

сения Вселенной от гибели, исцеления ее от смерти, преобразования порядка природы в совершенный миропорядок, основанный не на вытеснении и пожирании, а на любви, не на смерти, а на абсолютной, торжествующей жизни.

Богочеловечность как подлинная норма человеческого

Ф.М. Достоевского и русских космистов сближает деонтологический подход к миру и человеку. Подлинной нормой мира является для них не нынешний смертный порядок природы, а преображенная Вселенная, в которой не будет смерти, подлинной нормой человека – Христос, «вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [39, с. 172], подлинной нормой общества – Троица, ипостаси которой соединены неслиянно и нераздельно, и эта связь есть связь любви. «Бог есть идея человечества собирательного, массы, всех», – записывает Достоевский в набросках статьи «Социализм и христианство» (1864 г.) [39, с. 191]. Идеи Достоевского перекликаются с идеями Н.Ф. Федорова и предваряют идеи христианских космистов в той части, где Достоевский стремится трактовать христианские догматы как заповеди, видит в них модели совершенного устройства жизни²².

В отличие от Д. Штрауса и Э. Ренана, отрицавших богочеловечность Христа и реальность Его воскресения, Достоевский утверждает, согласно с Халкидонским догматом, единство и равноправность двух природ, Божественной и человеческой, во Христе. Богочеловечность Христа предстает у него как залог обожения человека, возможности преобразования его духовного и физического естества: «Да Христос и приходил за тем, чтоб человечество узнало, что земная природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно»²³.

Христос для Достоевского и христианских космистов не только проповедник добра и любви, но и, прежде всего, победитель смерти. Его Воскресение – залог всеобщего воскресения, и оно, с точки зрения Федорова и космистов федоровской ориентации А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, не должно быть только предметом религиозного чаяния, но должно быть осуществлением чаемого. Космисты говорят о необходимости уподобления человека Христу не только в нравственной природе (любовь к Богу и ближним, послушание Небесному Отцу, терпение страданий), но и в делах – регуляции разрушительных стихий, исцеления больных, воскрешения умерших. Ибо, с их

²² См. подробнее: Гачева А.Г. Богословие Ф.М. Достоевского и проблема нравственного истолкования догмата в русской богословской и философской мысли XIX–XX вв. // Богословие Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 21–156 [41].

²³ Цит. по: Тихомиров Б.Н. Заметки на полях Академического полного собрания сочинений Достоевского (уточнения и дополнения) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 15. СПб., 2000. С. 234 [42].

точки зрения, в мире, подвластном смерти, никакая прочная гармония невозможна. Богочеловечность Христа становится онтологическим обоснованием будущего преображения и человека, и мира.

Достоевский, в молодости переживший стояние на эшафоте, помнил, как перед лицом смерти он спрашивал Н.А. Спешнева: «Мы будем там со Христом?» и получил на это безжалостный ответ: «Горсткой праха». Сюжеты его романов и судьбы его героев свидетельствуют, что никакая гармония, никакое братство невозможны в мире, пока в нем существует смерть, являющаяся источником дисгармонии. Роман «Идиот», создававшийся под знаком утраты любимой дочери писателя, его первенца Сони, демонстрирует эту мысль. Это мир, в котором Христос не победил смерть, не воскрес, а значит, смерть – по-прежнему царица Вселенной. Определяющий символический образ романа – картина «Христос в могиле» Ганса Гольбейна младшего. Она висит в доме Рогожина, и ее образ возникает в исповеди умирающего Ипполита Терентьева. Глубоко переживая распятие Иисуса Христа, герой проклинает «темную, наглуую и бессмысленно-вечную силу, которой все подчинено», уподобляя смерть бездушной машине, что «раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно великое и бесценное существо»²⁴. Он бунтует против миропорядка, построенного на всеилии смерти.

Так же стреножат законы природы и князя Мышкина, который в подготовительных материалах к роману назван «Князь Христос». Хриstopодобный герой бессилен против нравственных и физических страданий, не может преодолеть ни страстных порывов Рогожина, ни надрыва Настасьи Филипповны, ни страданий Ипполита Терентьева, обреченного умереть от чахотки. Мышкин поражен эпилепсией, а в конце романа в нем и вовсе гаснет искра сознания, что в символическом плане романа уподобляет его мертвому Христу Гольбейна.

Завершив роман «Идиот» и начав роман «Бесы», Достоевский в подготовительных материалах к своей новой вещи записывает: «Христос-человек не есть Спаситель и источник жизни» [44, с. 179]. И в последнем романе писателя «Братья Карамазовы» центрообразом является Христос-Богочеловек. Во вставной новелле «Великий инквизитор» Христос не произносит нравственных проповедей, Он творит дело дел – воскрешает умершую девушку, а в символическом видении Каны Галилейской претворяет воду в вино, преображает смертное в бессмертное, конечное – в бесконечное.

Воскресительное действие основано на любви. Коля Красоткин, скорбя об умершем Илюшечке, восклицает в финале романа: «И если б только можно было его воскресить, то я бы отдал все на свете!», вызывая отклик Алеши: «Ах, и я тоже!»²⁵. На любви основано и взаимодействие между человеком и миром –

²⁴ См.: Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. С. 339 [43].

²⁵ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпилог // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 194 [45].

недаром старец Зосима проповедует любовь «ко всякому созданию Божию»²⁶. Любовь в художественно-философском мире писателя предстает универсальным принципом мироотношения. И именно так происходит в русском космизме, где любовь выступает как основа космического жизнечувствия. Человек не атомарен, но связан с другими людьми и с миром. Он сопричастен всему в бытии, способен любовно вместить в свое сердце и землю, и растения, и животных, и далекие звезды, становясь их водителем к совершенству. Очень точно выразил этот принцип П.А. Флоренский: «Человеку-мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать ее и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный космос» [46, с. 440].

Оправдание истории. Активно-творческая эсхатология

Достоевский предвзвешивает философов-космистов и в их взгляде на историю. Ему так же близка идея оправдания истории, как близка она Н.Ф. Федорову, В.С. Соловьеву, С.Н. Булгакову, Н.А. Бердяеву, А.К. Горскому, Н.А. Сетницкому, В.Н. Муравьеву. Эти мыслители представляют историю как богочеловеческий процесс, в котором человеческий род преобразует землю, а затем всю Вселенную в Царствие Божие. Они не принимают дуализма земного и небесного и выступают против мироотрицающего уклона в христианстве, против пассивного и пессимистического взгляда на земную жизнь человечества, согласно которому история в финале времен катастрофически обрывается. С их точки зрения, мир не сгорает в огне гнева Божия, а преобразуется под влиянием Христовой истины, которая прорастает в нем, как горчичное зерно, подобно закваске сбраживает тесто истории²⁷. По формулировке Федорова, история есть «осуществление Благой Вести»²⁸, исполнение обетования Всеобщего Воскресения, началом которого является Воскресение Христово. Христианство в представлении русских космистов должно выйти за стены храма, возглавить общее дело, ориентировать в благом направлении все сферы жизни: науку, искусство, технику, экономику, педагогику, международные отношения. Пафос философов-космистов – в коренном изменении целеполагания, в «обращении орудий разрушения в орудия спасения», в переводе на рельсы спасения жизни и созидательного строительства будущего всех сфер дела и творчества человека. Даже армия, с точки зрения Федорова, должна преобразиться, обращая

²⁶ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X. С. 189.

²⁷ См.: Соловьев В.С. Об упадке средневекового миросозерцания // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 399 [47].

²⁸ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 146 [48].

находящийся в ее распоряжении интеллектуальный, технический, организационный потенциал не на военные столкновения, а на регуляцию природы, борьбу с засухами, наводнениями, землетрясениями, с естественными и рукотворными бедствиями.

Философы-космисты выдвигали перед человечеством в истории поистине вселенскую задачу и при этом подчеркивали, что всякая попытка ее редукции приводит к ложным моделям истории, ведет историческое действие в тупик. Достоевский был с ними солидарен. В его творчестве разворачивалась критика идеи линейного прогресса, адепты которого отрицают прошедшее ради будущего и стремятся устроить секулярный рай на земле при существовании смерти и греховном состоянии человеческих душ. И одновременно он вступал в полемику со сторонниками идеи краха и неудачи истории, одним из которых был К.Н. Леонтьев. Исторический пессимизм, с точки зрения Достоевского, чреват формулой «все позволено», личным и государственным эгоизмом, пресловутым «живи в свое пузо»²⁹.

В романе «Братья Карамазовы» писатель художественно противопоставляет два образа веры – мироотрицающую веру отца Ферапонта и радостную, открытую людям и миру веру старца Зосимы. Зосима выступает за расширение любви, призывает к воспитанию в себе милосердного сердца, способного раскрыться не только каждому нуждающемуся человеку, но и всему в бытии. Идее одиночного самоспасения он противопоставляет служение любви, и в этом служении видит основу подлинного спасения: «Спасая других, сам спасаешься», – так передает позицию старца Достоевский в черновиках к роману [45, с. 244].

Ложным идеалам истории писатель противопоставляет христианский идеал созидания Царства Христова, образ будущей «великой, общей гармонии, братского, окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»³⁰. Звучащая у него идея обращения государства и общества в Церковь корреспондирует с идеей общества по типу Троицы, которую развивал Н.Ф. Федоров, и является прологом к идее общества-Церкви В.С. Соловьева и С.Н. Булгакова. А трактовка тысячелетнего Царства Христова, согласно которой в миллениуме предполагается не только духовное, но и физическое преображение человека («Миллениум: не будет жен и мужей»³¹, «Откажется человек от питания, от крови: злаки»³²), вносит свой вклад в становление эсхатологической концепции русских космистов, согласно которой тысячелетнее Царство Христово является ступенью к Небесному Иерусалиму, точнее, стадией его становления.

²⁹ См.: Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 51 [49].

³⁰ См.: Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 148 [50].

³¹ См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Подготовительные материалы. С. 182.

³² См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпilog. С. 246.

Достоевский утверждает характерный для русского космизма идеал преображения на нравственных началах всех областей знания и действия. Он стремится к преодолению дуализма сакрального и светского, Церкви и культуры. Именно в этом смысл символического жеста старца Зосимы, посылающего Алешу из монастыря в мир. Подобно Федорову, он противопоставляет секулярной науке, отрицающей в человеке образ и подобие Божие, науку, которая становится помощницей веры. Писатель стремится высветлить даже сферу политики, противопоставляя борьбе национальных и государственных эгоизмов идею христианской политики. Он утверждает, что евангельский закон любви и братства должен быть обращен не только к конкретной личности, но и к государственным и общественным организациям. Принятие этого закона знаменует начало перерождения социального целого в духе евангельской любви.

Идея оправдания истории – основа активно-творческой эсхатологии русских космистов, согласно которой конец мира – не катастрофа, а преобразующее, житнетворческое действие, в котором соединяются человеческое усилие и Благодать. И одновременно эта идея соединена со стремлением к апокатастасису, с протестом против идеи вечного ада, неизбывных мучений для грешников, с утверждением того, что, поворачивая историю на Божьи пути, человеческий род открывает перспективу спасения всех.

Достоевский здесь также выступает собратом Федорова, Соловьева, Булгакова, Бердяева. Он ищет путей «восстановления погибшего человека»³³ и в романе «Братья Карамазовы» противопоставляет правду Христа, всепрощающего и милосердного, Который сходит к людям в порыве сострадания и любви, разделяющей правде Великого инквизитора, что переносит страшный суд с неба на землю, сжигая во славу Бога сотни еретиков. Самый принцип художественного изображения персонажей у Достоевского основан на логике апокатастасиса: каждому герою он протягивает «луковку», как ангел «бабе злющей-презлющей»³⁴, стремясь вытащить его из ада обособления, вывести к людям и миру.

Каким должен быть человек, осваивающий Вселенную?

Одна из важнейших идей русского космизма – идея выхода человечества в космос, действия в масштабах не только Земли, но и Вселенной. «Зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства, должен сделаться их обитателем и правителем», – писал Федоров [52, с. 244]. Будучи сознающей, мыслящей частью природы, человек должен быть деятелем не только земного, но и космического процесса. И заповедь обладания землей, данная Творцом человеку, философ общего дела трактовал расширительно – как завет существу, созданному по образу и подобию Божию, быть добрым хозяином и упра-

³³ См.: Достоевский Ф.М. [Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»] // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. С. 28 [51].

³⁴ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазова. Кн. I–X. С. 319.

вителем всего мироздания, восстанавливая «мир в то благолепие нетления, каким он был до падения»³⁵. Регуляция космического процесса для Федорова – необходимое условие перехода природы в новое, совершенное, состояние. Без нее, по мысли философа, невозможно решить глобальные проблемы и на Земле.

Достоевский о выходе человечества в космос напрямую не говорил. Но, как заметил К.А. Баршт, исследовавший рисунки писателя на полях его рукописей, среди них встречаются образы зданий, арок, куполов, башен, как бы парящих в пространстве, устремленных в бесконечность и по самим своим формам порой производящим впечатление летящей ракеты. По мысли исследователя, Достоевский интуитивно создает образ архитектуры будущего, космической архитектуры, выводящей действие человека в просторы Вселенной³⁶.

Проектируя космическую экспансию человечества, русские космисты задавались не только вопросами техническими: как человеку выходить во Вселенную? Как должен измениться организм человека, чтобы он мог выдержать жесткие условия Космоса? – но и вопросом этическим: каким должен быть человек, осваивающий Вселенную? Н.Ф. Федоров вводит для характеристики человека будущего понятие совершеннлетия, возводя его не только к Канту, но и, прежде всего, ко Христу, к Его заповеди о совершенстве: «Будьте совершенны, как совершен отец Ваш Небесный» (Мф. 5: 48). В основу этики общего дела он полагает категории родства, братства, сыновства и отечества. Николай Умов, представитель естественно-научной ветви космизма, утверждает регулятором поведения человека в мире Логос (научное знание), неразрывный с Агапе (любовью). Циолковский проектирует «идеальный строй жизни», а В.И. Вернадский подчеркивает, что перед человечеством в эпоху ноосферы «открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление»³⁷.

Вопрос об этике человека будущего, об основаниях его действия в мире, волновал и Достоевского. Недаром выведенная им в подготовительных материалах к роману «Бесы» формула истинной веры звучала так: «Каяться, себя созидать, Царство Христово созидать» [44, с. 177]. На первое место выдвигалось покаяние, и именно оно вместе с трудом самосозидания становилось основанием созидания Царства Христова. А в 1877 г. Достоевский пишет «фантастический рассказ» «Сон смешного человека», герой которого попадает на другую планету, поразительно похожую на нашу Землю, но исполненную гармонии, являющую райское состояние человечества. По отношению к этому миру герой выступает как разрушитель, как микроб зла, поразивший мир невинных и доб-

³⁵ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401 [53].

³⁶ См.: Баршт К.А. Рисунки Достоевского в текстологическом аспекте // Достоевский Ф.М. Рисунки. М., 1995. С. 730 [54].

³⁷ См.: Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. С. 308 [55].

рых людей. Но затем, пережив раскаяние и вернувшись на землю, он начинает действовать не по закону эгоизма, а по закону любви. Именно действие, основанное на любви, полагает писатель основой совершеннолетнего, сознательно-го отношения к миру, и именно любовь является для него залогом «осуществления чаемого» (Евр. 11, 1).

Заключение

Таким образом, Ф.М. Достоевского можно считать предтечей русского космизма и его мировоззренческой составляющей. В творчестве писателя предвосхищены базовые антропологические и историософские идеи этого течения, заложены основы активно-христианской эсхатологии и этики космизма. Внутренняя близость идей и установок Достоевского зарождавшемуся течению космической мысли определила заочный диалог писателя с родоначальником русского космизма Н.Ф. Федоровым и очный – с его младшим современником В.С. Соловьевым, центральной темой творчества которого стала тема совершенного строя жизни и роли человека в его воплощении и на Земле, и во Вселенной.

Список литературы

1. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. 368 с.
2. Хайруллин К.Х. Философия космизма. Казань: Дом печати, 2003. 369 с.
3. Оносов А.А. Культурно-эволюционная деонтология: социальные проекции русского космизма. М.: Изд-во МГУ, 2006. 146 с.
4. Казютинский В.В. Космизм классический и космизм современный // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров. В 2 т. Т. 1. М.: Пашков дом, 2010. С. 125–156.
5. Young G. Russian cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. N.Y., 2012. 296 p.
6. Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Со-крат: сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018. С. 291–316.
7. Гачева А.Г. Русский космизм в идеях и лицах. М.: Академический проект, 2019. 431 с.
8. Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 468 с.
9. Slavica Occitania: Le cosmisme russe. 2018. № 46. 312 p.
10. Slavica Occitania: Le cosmisme russe. II. Nikolai Fiodorov. 2018. № 47. 251 p.
11. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 37–311.
12. Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект, Парадигма, 2016. 890 с.
13. Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 239.
14. Державин Г.Р. Бог // Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 114–116.
15. Одоевский В.Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б.Ф. Егоров [и др.]; примеч. Е.А. Маймина, М.И. Медового. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 317 с.
16. Баршт К.А. «Научите меня любви...». К вопросу о Н.Ф. Федорове и Ф.М. Достоевском // Простор. 1989. № 7. С. 159–167.
17. Сараскина Л.И. Радикальная утопия о всеобщем воскрешении и реальность зла. Уче-

ние Н.Ф. Федорова в контексте убийства Ф.П. Карамазова // Сараскина Л.И. Достоевский в со-
звучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. С. 320–341.

18. Комарович В.Л. Отцеубийство и учение Н.Ф. Федорова о «телесном воскрешении» // Комарович В.Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском / сост., отв. ред. и автор вступ. ст. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 312–341.

19. Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 576 с.

20. Никитин В.А. Владимир Соловьев и Николай Федоров // Символ. 1990. № 23. С. 279–300.

21. Семенова С.Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М.: Сов. писатель, 1990. 383 с.

22. Семенова С.Г. «Смысл любви» Владимира Соловьева // Семенова С.Г. Тайны Царства Небесного. М., 1994. С. 358–370.

23. Носов А.А. Реконструкция 12-го «Чтения по философии религии» В.С. Соловьева // Символ. 1992. № 28. С. 245–258.

24. Козырев А.П. Наукоучение Владимира Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб.: Алетейя, 1997. С. 23–31.

25. Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: История творческих взаимоотношений // Н.Ф. Федоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 1. М.: РХГИ, 2004. С. 844–937.

26. Демин В.Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Ч. 1: Русский космос. М.: ЛЕНАНД, 2014. 194 с.

27. Карак П.С. Идеи космизма в литературном наследии Ф.М. Достоевского (к 200-летию со дня рождения) // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. 2021. № 2. С. 32–46.

28. Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993. 184 с.

29. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. 180 с.

30. Гиренок Ф.И. Русские космисты. М.: Знание, 1990. 61 с.

31. Die Neue Menschheit: Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 2005. 688 p.

32. Гройс Б. Русский космизм: Антология. М.: ООО «Ад Маргинем-пресс», 2015. 235 с.

33. Шапошникова Л.В. Вестники Космической эволюции: в 2 т. М.: Международный Центр Рерихов, 2012. Т. 1. 444 с., Т. 2. 444 с.

34. Вернадский В.И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия АН СССР. 1931. Вып. 3. С. 403–437.

35. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 288–303.

36. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 5–455.

37. Достоевский Ф.М. Приговор // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. С. 146–148.

38. Петерсон Н.П. Чем должна быть народная школа? // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 506–513.

39. Достоевский Ф.М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1960–1965 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1981. С. 152–205.

40. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 5–508.

41. Гачева А.Г. Богословие Ф.М. Достоевского и проблема нравственного истолкования догмата в русской богословской и философской мысли XIX–XX вв. // Богословие Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 21–156.

42. Тихомиров Б.Н. Заметки на полях Академического полного собрания сочинений Достоевского (уточнения и дополнения) // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 15. СПб., 2000. С. 231–244.

43. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. С. 5–510.
44. Достоевский Ф.М. Бесы. Подготовительные материалы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Л.: Наука, 1974. С. 58–332.
45. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпилог // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 5–197.
46. Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 2000. С. 440–447.
47. Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозозерцания // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 339–350.
48. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственно-го, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
49. Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 42–87.
50. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
51. Достоевский Ф.М. [Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»] // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1981. С. 28–29.
52. Федоров Н.Ф. Падающие миры и противодействующее падению существо // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 243–249.
53. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 358–441.
54. Баршт К.А. Рисунки Достоевского в историческом аспекте // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17: Рисунки. М.: Воскресенье, 2005. С. 675–867.
55. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993, pp. 303–316.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v 2 t., t. 1* [Philosophy of creativity, culture and art in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 37–311.
2. Dostoevskiy, F.M. Idiot [Idiot], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 8* [Complete works in 30 vol., vol. 8]. Leningrad: Nauka, 1973, pp. 5–510.
3. Dostoevskiy, F.M. Besy. Podgotovitel'nye materialy [Demons. Preparatory materials], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 11* [Complete works in 30 vol., vol. 11]. Leningrad: Nauka, 1974, pp. 58–332.
4. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [Adolescent], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 13* [Complete works in 30 vol., vol. 13]. Leningrad: Nauka, 1975, pp. 5–455.
5. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Kn. I–X [The Brothers Karamazov. Book I–X], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 14* [Complete works in 30 vol., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 5–508.
6. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Kn. XI–XII. Epilog [The Brothers Karamazov. Book XI–XII. Epilogue], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 15* [Complete works in 30 vol., vol. 15]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 5–197.

7. Dostoevskiy, F.M. [Predislovie k publikatsii perevoda romana V. Gyugo «Sobor Parizh-skoy Bogomaterii»] [Preface to the publication of the translation of the novel by V. Hugo “Notre Dame de Paris”], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 20* [Complete works in 30 vol., vol. 20]. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 28–29.

8. Dostoevskiy, F.M. Zapisi publitsisticheskogo i literaturno-kriticheskogo kharaktera iz zapisnykh knizhek i tetradey 1960–1965 gg. [Journalistic and literary-critical notes from notebooks and notebooks of 1960–1965], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 20* [Complete works in 30 vol., vol. 20]. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 152–205.

9. Dostoevskiy, F.M. Prigovor [Verdict], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 23* [Complete works in 30 vol., vol. 23]. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 146–148.

10. Dostoevskiy, F.M. Pushkin (Ocherk) [Pushkin (Essay)], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 26* [Complete works in 30 vol., vol. 26]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 136–149.

11. Dostoevskiy F.M. Zapisi literaturno-kriticheskogo i publitsisticheskogo kharaktera iz zapisnoy tetradi 1880–1881 gg. [Entries of a literary-critical and journalistic nature from the notebook of 1880–1881], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t., t. 27* [Complete works in 30 vol., vol. 27]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 42–87.

12. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva [The question of brotherhood, or kinship, about the causes of the non-fraternal, unrelated, i.e. non-peaceful, state of the world and about the means to restore kinship], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.

13. Fedorov, N.F. Supramoralizm, ili Vseobshchiy sintez (t.e. vseobshchee ob'edinenie) [Supramoralism, or Universal synthesis (i.e. universal unification)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 358–441.

14. Fedorov, N.F. Kto nash obshchiy vrag, edinyy, vezde i vseгда prisushchiy, v nas i vne nas zhivushchiy, no tem ne menee vrag lish' vremennyy [Who is our common enemy, the one, everywhere and always present, living in us and outside of us, but nevertheless the enemy is only temporary], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 239.

15. Fedorov, N.F. Padayushchie miry i protivodeystvuyushchee padeniyu sushchestvo [Falling worlds and a creature that resists falling], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 243–249.

16. Florenskiy, P.A. Makrokosm i mikrokosm [Macrocosm and microcosm], in Florenskiy, P.A. *Sochineniya v 4 t., t. 3(1)* [Collected Works in 4 vol., vol. 3(1)]. Moscow: Mysl', 2000, pp. 440–447.

Individual Work

17. Derzhavin, G.R. Bog [God], in Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1957, pp. 114–116.

18. Grois, B., Hagemeister, M. (ed.). *Die Neue Menschheit: Biopolitische Utopien in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main, 2005. 688 p.

19. Odoevskiy, V.F. *Russkie noch* [Russian Nights]. Moscow: Nauka, 1975. 317 p.

20. Peterson, N.P. Chem dolzhna byt' narodnaya shkola? [What should a folk school be?], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 506–513.

21. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993. 368 p.

22. Solov'ev, V.S. Ob upadke srednevekovogo mirosozertsaniya [On the decline of the medieval worldview], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 339–350.

23. Vernadskiy, V.I. Izuchenie yavleniy zhizni i novaya fizika [Studying the phenomena of life and new physics], in *Izvestiya AN SSSR*, 1931, issue 3, pp. 403–437.

24. Vernadskiy, V.I. Avtotrofnost' chelovechestva [Autotrophy of mankind], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993, pp. 288–303.

25. Vernadskiy, V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow, Pedagogika-press, 1993, pp. 303–316.

(Articles from Scientific Journals)

26. Barsht, K.A. «Nauchite menya lyubvi...». K voprosu o N.F. Fedorove i F.M. Dostoevskom [“Teach me love...”. On the question of N.F. Fedorov and F.M. Dostoevsky], in *Prostor*, 1989, no. 7, pp. 159–167.

27. Karako, P.S. Idei kosmizma v literaturnom nasledii F.M. Dostoevskogo (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ideas of cosmism in the literary heritage of F.M. Dostoevsky (To the 200th anniversary of his birth)], in *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 2021, no. 2, pp. 32–46.

28. Nikitin, V.A. Vladimir Solov'ev i Nikolay Fedorov [Vladimir Solovyov and Nikolai Fedorov], in *Simvol*, 1990, no. 23, pp. 279–300.

29. Nosov, A.A. Rekonstruktsiya 12-go «Chteniya po filosofii religii» V.S. Solov'eva [Reconstruction of the 12th “Reading on the Philosophy of Religion” by V.S. Solovyov], in *Simvol*, 1992, no. 28, pp. 245–258.

30. Slavica Occitania: *Le cosmisme russe*, 2018, no. 46. 312 p.

31. Slavica Occitania: *Le cosmisme russe. II. Nikolai Fiodorov*, 2018, no. 47. 251 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

32. Barsht, K.A. Risunki Dostoevskogo v istoricheskom aspekte [Dostoevsky's drawings in the historical aspect], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t., t. 17: Risunki* [Complete works in 18 vol., vol. 17: Drawings]. Moscow: Voskresen'e, 2005, pp. 675–867.

33. Gacheva, A.G. V.S. Solov'ev i N.F. Fedorov: Istoriya tvorcheskikh vzaimootnosheniy [V.S. Solovyov and N.F. Fedorov: The history of creative relationships], in *N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 vol., vol. 1*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 844–937.

34. Gacheva, A.G. Bogoslovie F.M. Dostoevskogo i problema nrvstvennogo istolkovaniya dogmata v russkoy bogoslovskoy i filosofskoy mysli XIX–XX vv. [The Theology of F.M. Dostoevsky and the problem of moral interpretation of dogma in Russian theological and philosophical thought of the XIX–XX centuries], in *Bogoslovie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Theology]. Moscow: IMLI RAN, 2021, pp. 21–156.

35. Gacheva, A.G., Semenova, S.G. O kosmizme v entsiklopedicheskom zhanre [About cosmism in the encyclopedic genre], in *Sbornik nauchnykh statey «Moskovskiy Sokrat»* [Collection of scientific articles “Moscow Socrates”]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, pp. 291–316.

36. Kazyutinskiy, V.V. Kosmizm klassicheskiy i kosmizm sovremennyy [Classical cosmism and modern cosmism], in *«Sluzhitel' dukha vechnoy pamyati». Nikolay Fedorovich Fedorov: v 2 t., t. 1* [“The servant of the spirit of eternal memory”. Nikolai Fedorovich Fedorov, in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Pashkov dom, 2010, pp. 125–156.

37. Komarovich, V.L. Ottseubiystvo i uchenie N.F. Fedorova o «telesnom voskreshenii» [Parricide and N.F. Fedorov's teaching about “bodily resurrection”], in Komarovich, V.L. *«Ves' ustremlenie»: Stat'i i issledovaniya o F.M. Dostoevskom* [“The Whole aspiration”: Articles and studies about F.M. Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN, 2018, pp. 312–341.

38. Kozyrev, A.P. Naukouchenie Vladimira Solov'eva [Philosophy of Science by Vladimir Solovyov], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1997 god* [Research on the history of Russian thought. Yearbook for 1997]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 1997, pp. 23–31.

39. Saraskina, L.I. Radikal'naya utopiya o vseobshchem voskreshenii i real'nost' zla. Uchenie N.F. Fedorova v kontekste ubiystva F.P. Karamazova [Radical utopia about universal resurrection and the reality of evil. The teachings of N.F. Fedorov in the context of the murder of F.P. Karamazov stration], in Saraskina, L.I. *Dostoevskiy v sozvuchiyakh i prityazheniyakh (ot Pushkina do Solzhenitsyna)* [Dostoevsky in consonances and attractions (from Pushkin to Solzhenitsyn)]. Moscow: Russkiy put', 2006, pp. 320–341.
40. Semenova, S.G. «Smysl lyubvi» Vladimira Solov'eva [“The Meaning of love” by Vladimir Solovyov], in Semenova, S.G. *Tayny Tsarstviya Nebesnogo* [Secrets of the Kingdom of Heaven]. Moscow, 1994, pp. 358–370.
41. Tikhomirov, B.N. Zametki na polyakh Akademicheskogo polnogo sobraniya sochineniy Dostoevskogo (utochneniya i dopolneniya) [Notes on the margins of the Academic Complete Works of Dostoevsky (clarifications and additions)], in *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh no. 15.* [Dostoevsky and world culture. Almanac no. 15]. Saint-Petersburg, 2000, pp. 231–244.

(Monographs)

42. Demin, V.N. *Russkiy kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Ch. 1: Russkiy kosmos* [Russian Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1: Russian cosmos]. Moscow: LENAND, 2014. 194 p.
43. Gacheva, A.G. *F.M. Dostoevskiy i N.F. Fedorov: Vstrechi v russkoy kul'ture* [F.M. Dostoevsky and N.F. Fedorov: Meetings in Russian culture]. Moscow: IMLI RAN, 2008. 576 p.
44. Gacheva, A.G. *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian Cosmism in ideas and faces]. Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2019. 431 p.
45. Girenok, F.I. *Ekologiya. Tsivilizatsiya. Noosfera* [Ecology. Civilization. Noosphere]. Moscow: Nauka, 1987. 180 p.
46. Girenok, F.I. *Russkie kosmisty* [Russian cosmists]. Moscow: Znanie, 1990. 61 p.
47. Groys, B. *Russkiy kosmizm: Antologiya* [Russian Cosmism: An Anthology]. Moscow: Ad Marginem-press, 2015. 235 p.
48. Khayrullin, K.Kh. *Filosofiya kosmizma* [Philosophy of cosmism]. Kazan': Dom pečhati, 2003. 369 p.
49. Kurakina, O.D. *Russkiy kosmizm kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian cosmism as a socio-cultural phenomenon]. Moscow: MFTI, 1993. 184 p.
50. Onosov, A.A. *Kul'turno-evolyutsionnaya deontologiya: sotsial'nye proektsii russkogo kosmizma* [Cultural and evolutionary deontology: social projections of Russian cosmism]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2006. 146 p.
51. Semenova, S.G. *Russkaya literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the XIX–XX centuries: From Poetics to Worldview]. Moscow: Akademicheskiiy proekt, Paradigma, 2016. 890 p.
52. Semenova, S.G. *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo kosmizma* [Creating the Future: The Philosophy of Russian Cosmism]. Moscow: Nookratiya, 2020. 468 p.
53. Semenova, S.G. *Nikolay Fedorov. Tvorchestvo zhizni* [Nikolay Fedorov. Creativity of life]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. 383 p.
54. Shaposhnikova, L.V. *Vestniki Kosmicheskoy evolyutsii: v 2 t.* [Messengers of cosmic evolution: in 2 vol.]. Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov, 2012.
55. Young, G. *Russian cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York, 2012. 296 p.